



A movie poster for 'The Great Gatsby' featuring Tobey Maguire as Jay Gatsby. He is standing in Grand Central Terminal, wearing a dark suit, a flat cap, and smoking a cigarette. The background shows the iconic architecture of the terminal, including large arched windows and a clock. The title 'ЧЕЛОВЕК ЧЕСТИ' is written in large, ornate, gold-colored Cyrillic letters at the bottom.

ЧЕЛОВЕК ЧЕСТИ

НАЧАЛО

Данил Кутин

Человек чести. Начало

«Автор»

2026

Кутин Д. С.

Человек чести. Начало / Д. С. Кутин — «Автор», 2026

Винсент Ло Верде — человек чести. Так называют посвящённых членов мафии. Он вырос на улицах Нью-Йорка, убивал, шантажировал, шёл по трупам — и умер от пули в спину, как его отец. А потом очнулся в 1915 году. В чужом теле. С чужим именем. С тридцатью пятью центами в кармане. Его единственный враг — детектив Джон Райт. Сломленный, пьющий, потерявший семью. Он идёт по следу Ло Вердо, не подозревая, что охотится на собственное будущее. Два человека чести. Две правды. Одна судьба. «Человек чести» — сага о крови, предательстве и цене выбора.

© Кутин Д. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Данил Кутин

Человек чести. Начало

Пролог

Я выходил из своей второй съёмной квартиры — той самой, где жили девушки, работавшие на меня, — когда на мобильный телефон позвонил Доминик Карузо. На ходу я накинул солнечные очки — авиаторы с позолоченной оправой — и взял трубку.

— Чистюля? — осведомился он.

— Как раз из душа, — отшутился я. Настроение было хорошим, под стать погоде: солнце не просто светило — оно грело, и в голове сами собой всплывали картинки того, что я недавно делал с двумя девушками разом. — Что случилось?

— Купи себе дорогой костюм, не скупись, — Доминик усмехнулся. — Есть что отпраздновать.

— Ну наконец-то! — настроение взлетело ещё выше, я едва сдерживал улыбку. Завтра я стану «человеком чести». — Давно пора.

Дом посмеялся, но тут же снова заговорил серьёзно:

— Это не всё. Букет при тебе?

«Букетом» мы называли ствол.

— Да, — ответил я, и весёлость тут же сошла на нет. — Определился, кому доставить?

— Да. Помнишь мою бывшую, рыжую, с веснушками? Ну, мы ещё вчера о ней говорили.

Я тут же вспомнил этот шифр. Всё встало на места: «рыжая с веснушками» — это Энди Фаррелл, должник, которому когда-то доверили груз. Он должен был доставить товар как курьер, да только груз у него отняли, а долг остался. У Дома на каждого должника была своя «девушка» — чтобы по телефону не светить имена.

— Она хочет вернуть мне обручальное кольцо, — продолжал Дом, стараясь звучать тепло и непринуждённо. — А я хочу её отблагодарить цветами. Ну, знаешь, чтобы недомолвок у нас не осталось.

Значит, наркоман всё-таки нашёл деньги. Нужно съездить и забрать. Работа не пыльная, да и Дом обещал за неё две штуки — деньги немалые за пару часов моего времени.

— Конечно, уже еду. Но будь на связи — вдруг её дома не окажется.

— Звони в любое время, — с улыбкой в голосе сказал Дом и повесил трубку.

Я сел в машину, повернул ключ зажигания и с минуту посидел, не трогаясь с места. Старался собрать в голове все подробности о своей цели.

Энди Фаррелл, 37 лет, не женат. Отсидел три года. В тюрьме он познакомился с Балтун — одним из наших; они сошлись, и, когда Балтун вышел, поручился за Энди. С тех пор Фаррелл работал на Дома: возил грузы с места на место. Всё шло ровно, пока груз не отобрали, а Карузо не выяснил, что Фаррелл плотно сидит на героине. Дому наркоманы были не по душе — он не доверял тем, у кого разум плывёт от дозы. Поэтому выставил Энди за дверь и велел вернуть деньги. Долг был не пятьдесят тысяч, а тридцать — остальное набежало процентами.

На месте Доминика я бы не ограничился возвратом денег — забрал бы и жизнь Фаррелла. Арест Энди неизбежен: рано или поздно его возмут с наркотиками. Ему пообещают огромный срок — и где гарантия, что ради дозы и смягчения приговора он не вспомнит имя Дома?

Прямого приказа на устранение не было, и я не решился действовать по собственному разумению. Вдруг убью — а денег при нём не окажется? Или вдруг у Дома есть свой план, и мои самовольные действия всё испортят?

Под его началом я выучил главное — дисциплину. Я доверял боссу и не хотел ставить под удар его дела. Он был лучшим другом моего отца, которого застрелили, когда мне было три. Они вместе начинали, были никем, но теперь Доминик занимал положение капитана. Он был для меня почти вторым отцом — после деда, конечно. С детства он баловал меня дорогими подарками и деньгами. Для всех он был мистером Карузо, а для меня — дядей Домом. Однако я чётко понимал: стоит мне оступиться — и дядюшка без колебаний пришлёт человека по мою душу. Бизнес тут всегда стоит превыше всего, даже личных и кровных привязанностей. Прямо как в «Крёстном отце». Пожалуй, это была одна из немногих вещей в фильме, что оказались правдой.

Я тронулся с места. Фаррелл жил в Клосоне — доеду быстро, если не встану в пробку. Дорога и правда оказалась свободной, но, как назло, я то и дело попадал на красный — и подолгу стоял на светофорах.

Соблазн вдавить педаль в пол и проскочить, наплевав на эти досадные помехи, был сильным. Но при мне лежал «палёный» ствол, и попадаться полиции в мои планы точно не входило. Пришлось стискивать зубы и ползти, будто черепаха. Чтобы не закипать от злости, я включил радио и вслушивался в музыку, цепляясь за ритм, как за спасительную нитку.

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю: а вдруг это и был знак судьбы — мол, не надо туда ехать? Будто сама дорога пыталась меня удержать. Но в тот момент я кипел от гнева, и даже не задумывался о знаках судьбы. Меня волновали деньги и подготовка к завтрашнему посвящению.

Доехал за сорок минут. Припарковал свой Cadillac у тротуара, он здесь явно был лишним среди обшарпанных домов и ржавых машин. Достал из бардачка ствол, проверил магазин, дослал патрон — на всякий случай. Спрятал пистолет за поясом, прикрыл кожаной курткой и вошёл в подъезд.

Штукатурка на стенах осыпалась лохмотьями, на полу валялись трое под кайфом — смотрели в пустоту, не замечая ничего вокруг. Значит, полиция сюда не заглядывает. Это даже к лучшему: меньше лишних глаз.

Я поднялся на третий этаж, отыскал нужную квартиру и постучал. Тишина. Постучал ещё раз — уже сильнее, так, что дверь дрогнула в раме. Снова ни звука. Уже хотел достать телефон и звонить Дому, но вдруг дверь чуть приоткрылась — её удерживала цепочка.

— Тебе чего? — прохрипел Фаррелл.

Я сразу понял: у него ломка. Видел такое столько раз, что уже по одному взгляду мог сказать, сколько дней человек не получал дозу.

— Войти, — ответил я чуть нагло. — И забрать деньги, которые ты задолжал.

Дверь резко закрылась у меня перед носом. Я стиснул кулаки, уже готов был врезать по ней ногой, чтобы сорвать с петель. Но тут щёлкнула цепочка — и дверь снова приоткрылась.

Энди стоял на пороге, его трясло мелкой дрожью, он без конца переминался с ноги на ногу, будто пытался унять эту внутреннюю бурю. На нём была рваная майка, застиранные шорты и старые тапочки, сползавшие с ног. В нос ударил тот самый запах — горький, медицинский, въевшийся в память с детства.

— Точно, я тебя знаю, — выдохнул он, и я не понял: в его голосе звучало облегчение или тревога. — Ты же Чистюля, правая рука Дома!

Эта фраза неожиданно меня зацепила — и даже чуть польстила. Я едва заметно улыбнулся. Надо же, меня знают даже такие, как этот тип.

Выглядел Энди жалко: под ногтями въелась грязь, лицо было бледным, с синеватыми кругами под глазами, а длинные волосы спутались и слиплись от грязи. Я скользнул взглядом за его плечо, в полумрак квартиры, и понял, что он дома один. Это было хорошо — меньше лишних свидетелей, меньше непредсказуемых поворотов.

— Но постой, — испуганно добавил Фаррелл, голос у него срывался. — Ты не из тех, кто бегают с поручениями... Дом прислал меня убить? Чистюля, слушай, клянусь, деньги у меня есть! Я уеду из Нью-Йорка и никогда больше...

Я резко оборвал его, не давая наговорить лишнего:

— Мне сказали забрать деньги. О тебе речи не шло. Впусти, отдай их — и я уйду. Или пожалеешь.

— К-конечно, заходи, — он отступил от дверного проёма, и я переступил порог. — Кофе будешь?

— Деньги, Энди, — раздражённо оборвал я, окидывая взглядом квартиру.

На кухне в раковине громоздилась гора немытой посуды. На диване валялись ремень и использованный шприц. По телевизору шёл какой-то мультфильм — яркие цвета нелепо контрастировали с общей серостью комнаты.

На стене, у окна, висела фотография. Старая, в деревянной рамке. Женщина лет шестидесяти, с усталым лицом и добрыми глазами. На обороте, если перевернуть, наверняка было написано что-то вроде «Люблю, мама». Я не стал переворачивать.

Рядом с фотографией — календарь. Настенный, с изображением святого Франциска. Кто-то отмечал дни крестиками. Последний крестик стоял на числе две недели назад. Дальше — пусто.

На подоконнике лежала книга. Тонкая, в мягкой обложке. Я скользнул взглядом: «Как бросить пить». Закладка торчала на середине.

Я в очередной раз мысленно поблагодарил судьбу за то, как сложилась моя жизнь. В моей квартире было пять комнат, дорогой ремонт, вся мебель — на заказ, а в сейфе лежало больше пятисот тысяч: я годами копил, оставаясь до нелепости экономным. Соседи меня уважали, часто звали в гости, с удовольствием доверяли нянчить детей. Для них я был успешным бизнесменом, а не тем, кем являлся на самом деле.

Детей я искренне любил, но каждый раз, оставаясь наедине с этой мыслью, чувствовал холодок внутри: моя жизнь шла вразрез с самой идеей о семье. Вряд ли у меня когда-нибудь будут свои дети — по крайней мере, законные, рождённые в браке. Эта мысль не ранила, а скорее привычно царапала, как старая заноза, к которой уже привык.

Энди наконец вернулся из комнаты и протянул мне конверт. Я вскрыл его, пересчитал купюры — всё было точно, как в аптеке. На секунду я озадачился: дело не моё, конечно, но откуда у наркомана пятьдесят кусков? Любопытство царапнуло, но я тут же загнал его вглубь. Дому плевать, откуда эти деньги, да и мне, если честно, тоже.

— Бывай, Энди, — подвёл я черту и уже шагнул к двери.

— Постой! — поспешно окликнул меня Фаррелл. — Слушай, у тебя... может, есть чего? В займы. Знаю, ты не по этой части, но вдруг... Я все свои деньги отдал. Если не поможешь, я тут просто сдохну. Пожалуйста, выручи.

У меня было, но помогать ему я не собирался. Зачем? Лучше вернусь домой, посмотрю телевизор, приглашу девушку — проведу вечер так, чтобы хоть на пару часов забыть всю эту грязь.

— Нет, — отрезал я. — Дури у меня нет. И для тебя тем более.

— Да зачем ты так? — в голосе Энди прорезалась обида. — Мы ведь в одной лодке. Я столько всего для Дома сделал...

— Ты больше не работаешь на него, — жёстко напомнил я. — Скажи спасибо, что я приехал только за деньгами.

Энди не унимался, шагнул ближе, будто хотел достучаться:

— Чистюля, пожалуйста, будь человеком! Я прошу совсем немного...

Терпение лопнуло. Я резким движением достал ствол, щёлкнул предохранителем и прицелился ему прямо в лоб.

— Ещё раз заикнёшься про дурь — и клянусь, тебя больше никто и никогда не найдёт. Бросай это дело. Подумай хоть о больной матери, если о себе не думаешь.

Фаррелл сглотнул, лицо побелело, в глазах мелькнул настоящий ужас.

— П-прости... — выдохнул он. — Ты прав. Всё, точно. Считаю, уже бросил.

— Молодец, — коротко кивнул я, убрал пистолет за пояс и на секунду задержал на нём взгляд. — Держи себя в руках. И не попадайся мне больше.

Выйдя в подъезд, я спрятал конверт во внутренний карман куртки и шагнул к лестнице. И тут позади грохнули выстрелы.

Сначала я даже не понял, что произошло. Боли не было — только короткие, тупые толчки, будто кто-то бил меня в спину. Ноги подкосились, и я рухнул на бетон. Инстинкты сработали раньше сознания: рука сама выхватила ствол. Когда Фаррелл подошёл, чтобы обыскать меня или добить, я, собрав последние силы, развернулся и произвёл прицельный выстрел. Вынес ему мозги. Наверняка искал дурь — люди в ломке становятся опасными и непредсказуемыми, а я этого не предусмотрел. Проклятая самоуверенность.

Сквозь накачивающую боль я перевернулся, достал телефон из кармана штанов и набрал Дома. Коротко, рублеными фразами вывалил всё: про деньги, про то, что Энди сорвался, про выстрелы. Голос уже хрипел, слова путались. Потом мир качнулся, поплыл, телефон выскользнул из пальцев, и сознание начало гаснуть.

Стало противно от мысли, что я подыхаю точно так же, как отец — застреленный в спину. Говорят, перед смертью перед глазами проносится вся жизнь. Мне повезло: ничего такого не случилось. Я просто лежал в луже собственной крови, смотрел на потолок с длинной кривой трещиной и думал о деде и бабушке. Представлял, как они узнают, как будут стоять над моим гробом, и от этого становилось тошно до спазмов.

Дом меня предупреждал. Дед тоже. Оба твердили, что этот путь ничем хорошим не кончится. Так чему удивляться? Странно, но ни о деньгах, ни об уважении, ни о женщинах, ради которых я столько раз рисковал, я не думал. А ведь именно они гнали меня вперёд все эти годы. Сейчас это казалось пустым, далёким, почти чужим. Я прикрыл глаза, и боль вдруг резко отступила — будто кто-то повернул выключатель, и я провалился во тьму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.